

Давид ГОЛОЩЕКИН

Явление Дюка советскому народу, или Как я показал буржуям кузькину мать

Легче назвать, на чем пока еще не играет этот джазмен, жизнь которого — бесконечная импровизация на трубе, фортепиано, скрипке, саксофоне, гитаре, барабане, а может быть, и на собственной судьбе.

Раньше по своей внешности я более соответствовал фамилии Бородин, потому что до 35 лет носил бороду. Так было модно в те годы. Но однажды, сам не знаю, почему, я свою растительность сбрил.

И вот какой забавный случай произошел со мной в бане на улице Чайковского. Уже с голыми щеками парился я там в сауне. А в русскую парную зашел погреться. Время было дневное, народу мало. На полке парень в шапке и перчатках стегался двумя березовыми вениками.

— Хотите, — говорит, — я вас попарю? У вас ведь радикулит.

Он угадал, я действительно накануне перенес сильный приступ.

Ну я и согласился... Думаю, если бы проводились чемпионаты банщиков, он бы точно выступал в высшей лиге. Такое это было чудо!

Сидим потом в предбаннике, разговариваем, как голый гражданин с голым гражданином, не зная даже, как друг друга зовут. Стал он меня и дальше удивлять. Посмотрел на мои руки и тут же определил — музыкант.

— Только не говорите, на каком вы инструменте играете. Я сейчас сам скажу.

— Ну уж дудки. Это вам наверняка не удастся.

— Это почему?

— Да потому, что я играю на десяти инструментах.

Тут парень даже присвистнул.

— Ну вы прямо, как Голощекин.

— Так я и есть Голощекин.

— Ну это вы бросьте. Я его видел — он с бородой.

— Был, да сбрил.

Этот парень, врач из Одессы, оказался настоящим поклонником джаза. И мы оба обрадовались нашему вечному знакомству. А я благодаря ему заболел русской баней. Такой вот был в моей жизни анекдот с бородой.

Но самая анекдотичная история произошла со мной в июне 1971 года, когда к нам приехал Дюк Эллингтон. У нас было тогда потепление отношений с Америкой, железный занавес чуть приподнялся, и в образовавшуюся брешь к нам прорвался король джаза. Что это было для нас — не объяснить

обыкновенными словами. Ну просто как явление Христа народу.

Жилось мне тогда плохо. В те времена джаз был под запретом. Я играл в оркестре Иосифа Вайнштейна — этот коллектив уничтожили как рассадник буржуазной идеологии. Тогда нас подхватил московский оркестр Эдди Рознера. Но ненадолго.

Да к тому же пришла на меня "телега" в управление культуры.

Так я попал в "черные" списки. На работу меня не брали. Спасибо другу отца — Якову Львовичу Ронкину, тогдашнему директору ленинградского милицейского ДК имени Дзержинского. Он приютил мой ансамбль, которого как бы не существовало в природе. Парадокс того времени заключался в том, что "идеологические диверсанты" нашли приют под крышей учреждения МВД.

Когда приехал Дюк, мы купили билеты на все его концерты.

Приблизиться к нему, конечно, не было никакой возможности — он был окружен усиленной охраной. Но хотя бы издали увидеть ЕГО...

Вдруг раздается телефонный звонок, и человек, назвавшийся работником управления культуры, языком повестки из военкомата говорит мне буквально следующие:

— Вы ДОЛЖНЫ явиться такого-то во столько-то в Дом дружбы и сыграть для Дюка Эллингтона.

Я совершенно обалдел от услышанного. На дворе было не первое апреля, иначе я подумал бы, что это розыгрыш. Потом уже выяснилось, что спровоцировал этот фантастический звонок сам великий Дюк.

Приехав в Ленинград, он поинтересовался: а есть ли в Советском Союзе джазовые музыканты?

Нельзя было сказать Эллингтону "НЕТ". И тогда по инстанции сверху вниз от чиновника к чиновнику полетел вопрос: "У нас есть?". И потом с той же резвостью снизу вверх: "Есть... Голощекин". — "А подать нам сюда Голощекина! Покажи-ка ИМ, Голощекин, что у нас есть ДЖАЗ еще лучше, чем ихний". И я, лишенный из-за своей преданности джазу куска хлеба, сказал: "Я постараюсь".

Нам выдали спецпропуска, и в назначенный час мы явились в Дом дружбы. Зал заполнил проверенный народ.

И наш ансамбль сыграл подготовленную программу. В том концерте я выступал как пианист.

Мандраж, честно говоря, был сильный. Но мы держались. Закончили мы исполнением моего трио. Маэстро встал.

— После такого замечательного пианиста, — сказал он с улыбкой, — я должен себя реабилитировать.

И он поднялся на сцену. Мы застыли перед ним, как памятники. Но когда он пожимал мне руку, у меня с языка неожиданного слетело:

— Мистер Эллингтон, а не могли бы вы сыграть вместе с нами?

Американский фоторепортер запечатлел момент, когда я под барельефом вождя и словами "Идеи Ленина живут и побеждают" стою с протянутой рукой и приглашаю Дюка к роялю. Этот снимок появился потом в его автобиографической книге "Музыка — моя любовница".

Дюк сел за рояль и начал играть со своей коронной улыбкой, обращенной в зал. Зачарованные, мы стояли у него за спиной. Это было какое-то чудодейство. Первая вещь называлась "Атласная кула", ее знают все. Но наш контрабасист Володя Лерман, который тысячу раз играл эту тему, от волнения не мог пошевелить ни одним пальцем. В ужасе он прошептал мне на ухо:

— Давид, я забыл гармонию. Возьми, сыграй за меня...

Беру бас и начинаю играть.

Эллингтон услышал, что бас наконец-то вступил, повернулся в нашу сторону и увидел, что это я. Он сделал слегка удивленное лицо и продолжал заниматься своим делом. Тем временем Лерман пришел в себя и взял свой инструмент. А я быстро схватил флюгельгорн и за спиной мастера, когда он закончил импровизацию, стал играть соло. Это был совершенно импровизированный джем-сэшн.

Надо было видеть изумленные лица "проверенной общестственности" — они вообще не понимали, что происходит. Но в той ситуации уже нельзя было ничего сделать. И они улыбались Эллингтону своими резинковыми улыбками.

Увидев меня с флюгельгорном, мастер выразил изумление. Но это было еще не конец. Он перешел на другую пьесу. А у меня с собой была и скрипка. Я сбежал за ней, и когда Дюк услышал скрипку, он просто бросил играть, встал, обнял меня и сказал:

— Ну ты и бандит! В Нью-Йорке всех музыкантов оставил бы без работы.

И мы расцеловались.

Это была моя абсолютная победа над чиновниками, которые столько лет топтали меня. Но самое смешное в другом — те же чиновники решили, что я победил Эллингтона. Они жали мне руку, хлопали по плечу и благодарили за то, что советский джаз в моем лице показал буржуям кузькину мать.

Записал
Олег СЕРДОБОЛЬСКИЙ.
Фото Юрия
БЕЛИНЮГА.